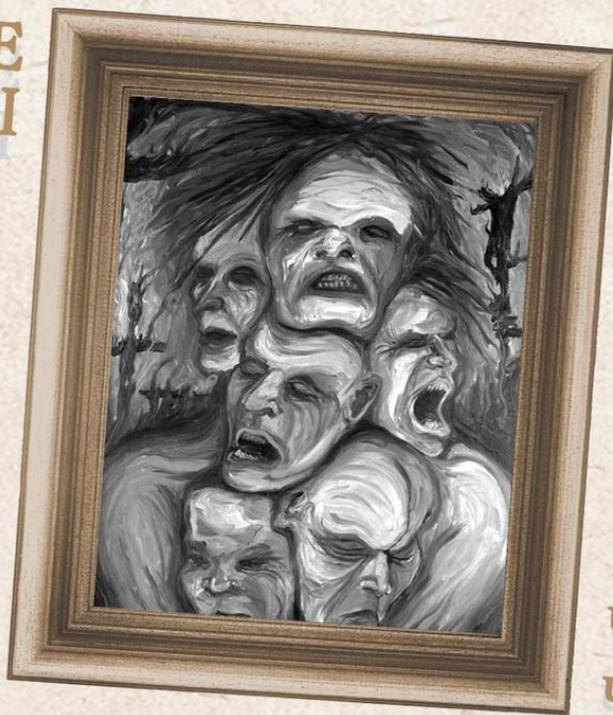

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

МАССОВЫЕ
ПСИХОЗЫ

«В СТРАХЕ
БОЛЬШЕ ЗЛА,
ЧЕМ В ТОМ,
ЧЕГО БОЯТСЯ»

ГЮСТАВ
ЛЕБОН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Зигмунд Фрейд

**Массовые психозы.
«В страхе больше зла,
чем в том, чего боятся»**

«Алисторус»

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

Фрейд З.

Массовые психозы. «В страхе больше зла, чем в том, чего бояться» /
З. Фрейд — «Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-907332-68-3

Гюстав Лебон (1841–1931) – французский психолог, социолог, антрополог и историк. Лебон одним из первых попытался теоретически обосновать наступление «эры масс»: он полагал, что в силу волевой неразвитости и низкого интеллектуального уровня больших масс людей ими правят бессознательные инстинкты, особенно, когда человек оказывается в толпе. Здесь происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. Зигмунд Фрейд (1856–1939), основатель и наиболее известный представитель психоанализа, также начинал свою научную деятельность с изучения психологии масс. Он провел блестящий анализ основных качеств массы, в том числе «стадного инстинкта», который овладевает ею в критические моменты. В книге содержатся основные работы Г. Лебона и З. Фрейда по данной проблеме. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907332-68-3

© Фрейд З.

© Алисторус

Содержание

Гюстав Лебон	6
Вместо предисловия	6
Введение. Эра толпы	7
Душа толпы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Гюстав Лебон и Зигмунд Фрейд
Массовые психозы. «В страхе
больше зла, чем в том, чего боятся»**

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

**МАССОВЫЕ
ПСИХОЗЫ**

**«В СТРАХЕ
БОЛЬШЕ ЗЛА,
ЧЕМ В ТОМ,
ЧЕГО БОЯТСЯ»**

ГЮСТАВ
ЛЕБОН

© Перевод с французского А. Фридман, Э. Пименова.

© Перевод с немецкого Л. Голлербах

© ООО «Издательство Родина», 2020

Гюстав Лебон
Феномен толпы
(Из книги «Психология народов и масс»)

Вместо предисловия

Организованная толпа всегда играла большую роль в жизни народов, но роль эта еще никогда не имела такого важного значения, как в данную минуту. Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы.

Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня. Но есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые голосом мертвых. Мы не можем не признавать могущества этих сил, хотя совершенно не знаем их сущности.

Я сделал попытку изучения трудной проблемы толпы посредством исключительно научных приемов, т. е. старался отыскать метод, оставляя в стороне мнения, теории и доктрины. Я полагаю, что это единственный способ, дающий возможность раскрыть хоть частицу правды, особенно в таком вопросе, который так сильно волнует умы.

Введение. Эра толпы

Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты – не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей. Перемены эти, однако, случаются редко, потому что самое прочное в каждой расе – это наследственные основы ее мыслей.

Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности.

Идеи прошлого, хотя и на половину разрушенные, все еще достаточно сильны; идеи же, которые должны их заменять, находятся пока еще в периоде своего образования – вот почему современная эпоха есть время переходное и анархическое.

Нелегко предсказать, что может выйти из такого периода, поневоле имеющего хаотический характер. Каковы будут основные идеи, на которых воздвигнутся новые общества, идущие нам на смену? Мы этого пока не знаем.

Но мы уже теперь можем видеть, что при своей организации им придется считаться с новой силой, последней повелительницей современной эпохи – могуществом масс. Эта сила возникла на развалинах многих идей, считавшихся некогда истинными и теперь исчезнувших, многих сил, разрушенных последовательно революциями, и, по-видимому, готова поглотить и остальные. И в то время, как все наши древние верования колеблются и исчезают, старинные столпы общества рушатся друг за другом, могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс.

Не более столетия тому назад традиционная политика государств и соперничество государей были главными факторами событий. Мнение масс не принималось в расчет, да большей частью оно и не существовало. В настоящее же время политические традиции, личные склонности монархов, их соперничество уже более не принимаются в расчет, и, наоборот, голос толпы становится преобладающим. Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушаться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций.

Вступление народных классов на арену политической жизни, т. е. в действительности их постепенное превращение в руководящие классы, представляет одну из наиболее выдающихся характерных черт нашей переходной эпохи.

Это вступление на самом деле вызвано вовсе не всеобщей подачей голосов, которая долгое время не имела самостоятельной, руководящей роли и легко подчинялась сторонним влияниям. Прогрессивный рост могущества толпы совершился прежде всего путем распространения известных идей, которые медленно насаждались в умах, и затем – посредством постепенного образования ассоциаций индивидов с целью осуществления теоретических построений. Путем ассоциации толпа выработала идеи (если не совсем справедливые, то, во

всяком случае, вполне определенные) о своих интересах и получила сознание своей силы. Толпа составляет синдикаты, перед которыми капитулируют все власти, одна за другой, и организует биржи труда, стремящиеся управлять условиями работы и заработной платы.

Толпа посылает в правительственные собрания своих представителей, лишенных всякой инициативы и, чаще всего, служащих только простым орудием тех комитетов, которые их избрали.

* * *

Общие симптомы, заметные у всех наций, указывают нам быстрый рост могущества масс и не допускают мысли, что это могущество скоро перестанет расти. Что бы оно нам ни принесло с собой, мы должны будем с ним примириться.

Всякие рассуждения и речи против этого могущества – пустые слова. Конечно, возможно, что вступление на сцену толпы знаменует собой одни из последних этапов цивилизации Запада, полное возвращение к периодам смутного переходного времени, всегда, по-видимому, предшествующего расцвету каждого нового общества. Но как же помешать этому?

До сих пор самой определенной ролью масс было великое разрушение устаревших цивилизаций. Роль эта существует не с нынешнего дня. История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда – толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль, и на время философия численности является, по-видимому, единственной философией истории.

Будет ли так же и с нашей цивилизацией? Мы можем этого бояться, но еще не можем этого знать. Что бы там ни было, но мы должны покориться и пережить царство толпы.

Эту толпу, о которой начинают так много говорить, мы знаем очень мало. Профессиональные психологи, жившие вдали от нее, всегда ее игнорировали, а если занялись ею в последнее время, то лишь с точки зрения ее преступности. Без сомнения, есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии; нельзя узнать духовную организацию толпы, изучая только ее преступления, так же как нельзя узнать духовную организацию какой-нибудь личности, изучая только ее пороки. Впрочем, говоря по правде, все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы и часто – очень верно.

Именно благодаря этому пониманию, они и становились властелинами толпы. Наполеон прекрасно постиг психологию масс той страны, в которой царствовал, но зачастую выказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас. Только потому что он не понимал этой психологии, он и мог вести войну с Испанией и Россией, нанеся ему могуществу удар, от которого оно погибло.

Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, – не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее. Если, например, какой-нибудь законодатель желает учредить новый налог, то должен ли он в таком случае выбрать такой налог, который будет наиболее справедливым? Никоим образом! Самый несправедливый налог может в практическом отношении оказаться самым лучшим для масс. Если такой налог не бросается в глаза и кажется наименее тяжелым, он всего легче будет принят массами.

Поэтому косвенный налог, как бы он ни был велик, не вызовет протеста толпы, так как он не стесняет ее привычек и не производит на нее впечатления, ибо взимается ежедневно и уплачивается по мелочам при покупке предметов потребления. Но попробуйте заменить этот налог пропорциональным налогом на заработок или другие доходы и потребуйте уплаты этого налога сразу, – вы вызовете единодушные протесты, хотя бы теоретически этот налог и был бы в десять раз легче первого. Вместо незаметных копеек, уплачиваемых ежедневно, тут получается сравнительно высокая сумма, и в тот день, когда ее придется вносить, она покажется чрезмерной и потому уже произведет внушительное впечатление. Если бы откладывать постепенно по грошу, то, конечно, она не показалась бы такой большой, но подобный экономический прием указывал бы на предусмотрительность, к которой вообще толпа неспособна.

Указанный пример весьма прост, и справедливость его бросается в глаза. Такой психолог, как Наполеон, конечно, понимал это, но большинство законодателей, не знающих души толпы, не заметят этой особенности. Опыт еще недостаточно убедил их в том, что нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума.

Психология масс может иметь применение и во многих других случаях. Она бросает свет на множество исторических и экономических фактов, которые без нее были бы совершенно необъяснимы. Я буду иметь случай указать здесь, что если самый замечательный из современных историков, Тэн, так плохо понимал в некоторых случаях события нашей великой революции, то это произошло лишь потому что он никогда не думал изучать душу толпы. Он взял для себя руководством при изучении этого сложного периода описательный метод натуралистов; но ведь среди явлений, которые приходится наблюдать натуралистам, мы не находим нравственных сил, а между тем, эти силы и составляют истинные пружины истории.

* * *

Итак, изучение психологии толпы представляется желательным с практической точки зрения, но если бы даже оно представляло исключительно только теоретический интерес, то и в таком случае заслуживало бы внимания. Распознать – двигателей, управляющих действиями людей, не менее интересно, чем распознать какой-нибудь минерал или цветок.

Наше исследование души толпы не может быть ничем иным как простым синтезом, кратким изложением наших прежних изысканий. Нельзя требовать от нашего очерка ничего другого, кроме некоторых взглядов, наводящих на размышления. Другие углубят ту борозду, которую мы провели на поверхности до сих пор еще очень мало исследованной почвы.

Душа толпы

Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях – и притом только при этих условиях – собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания.

Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы.

Без всякого сомнения, одного факта случайного нахождения вместе многих индивидов недостаточно для того, чтобы они приобрели характер организованной толпы; для этого нужно влияние некоторых возбудителей, природу которых мы и постараемся определить.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, – не требуют непременно и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы. В известные моменты даже шести человек достаточно, чтобы образовать одухотворенную толпу, между тем как в другое время сотня человек, случайно собравшихся вместе, при отсутствии необходимых условий, не образует подобной толпы. С другой стороны, целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты – временные, но совершенно определенные.

К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим в свою очередь изменить ее духовный состав. Одухотворенная толпа может быть подвергнута известной классификации. Мы увидим далее, что разнокалиберная толпа, т. е. такая, которая состоит из разнородных элементов, имеет много общих черт с однородной толпой, т. е. такой, которая состоит из более или менее родственных элементов (секты, касты и классы). Рядом с этими общими чертами, однако, резко выступают особенности, которые дают возможность различать оба рода толпы.

Прежде чем говорить о различных категориях толпы, мы должны изучить ее общие черты и будем поступать, как натуралист, начинающий с описания общих признаков, существующих у всех индивидов одной семьи, и затем уже переходящий к частностям, позволяющим различать виды и роды этой семьи.

Нелегко изобразить с точностью душу толпы, так как ее организация меняется не только сообразно расе и составу собраний, но и соответственно природе и силе возбудителей, которым подчиняются эти собрания. Впрочем, на такие же затруднения мы наталкиваемся и приступая к психологическому изучению отдельного индивида. Только в романах характер отдельных личностей не меняется в течение всей их жизни; в действительности же однообразие среды создает лишь кажущееся однообразие характеров. В другом месте я указал уже, что в каждой

духовной организации заключаются такие задатки характера, которые тотчас же заявляют о своем существовании, как только в окружающей среде произойдет внезапная перемена. Так, например, среди наиболее суровых членов Конвента можно было встретить совершенно безобидных буржуа, которые при обыкновенных условиях, конечно, были бы простыми мирными гражданами, занимая должности нотариусов или судей. Когда гроза миновала, они вернулись к своему нормальному состоянию мирных буржуа, и Наполеон именно среди них нашел себе самых покорных слуг.

Не имея возможности изучить здесь все степени организации толпы, мы ограничимся преимущественно толпой, уже совершенно организованной. Таким образом, из нашего изложения будет видно лишь то, чем может быть толпа, но не то, чем она всегда бывает. Только в этой позднейшей фазе организации толпы среди неизменных и преобладающих основных черт расы выделяются новые специальные черты и происходит ориентирование чувств и мыслей собрания в одном и том же направлении, и только тогда обнаруживает свою силу вышеназванный психологический закон духовного единства толпы.

Некоторые психологические черты характера толпы общие у нее с изолированными индивидами; другие же, наоборот, присущи только ей одной и встречаются только в собраниях. Мы прежде всего рассмотрим именно эти специальные черты, для того чтобы лучше выяснить их важное значение.

* * *

Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности.

Вопреки мнению, встречающемуся, к нашему удивлению, у такого проницательного философа, как Герберт Спенсер, в агрегате, образующем толпу, нет ни суммы, ни среднего входящих в состав ее элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств, подобно тому, как это происходит в химии при сочетании некоторых элементов, оснований и кислот, например, образующих новое тело, обладающее совершенно иными свойствами, чем те, которыми обладают элементы, послужившие для его образования.

Не трудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того, чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно то, что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью.

Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинует. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключается бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин,

руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными причинами есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения.

Элементы бессознательного, образующие душу расы, именно и являются причиной сходства индивидов этой расы, отличающихся друг от друга главным образом элементами сознательного, – тем, что составляет плод воспитания или же результат исключительной наследственности. Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами; и во всем, что касается чувства, религии, политики, морали, привязанностей и антипатий и т. п., люди самые знаменитые только очень редко возвышаются над уровнем самых обыкновенных индивидов. Между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или же очень небольшая.

Эти общие качества характера, управляемые бессознательным и существующие в почти одинаковой степени у большинства нормальных индивидов расы, соединяются вместе в толпе. В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества.

Такое именно соединение заурядных качеств в толпе и объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума. Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало все-таки отличаются от решений, принятых собранием глупцов, так как и в том и в другом случае соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. «Весь мир», как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а наоборот, Вольтер? умнее, нежели «весь мир», если под этим словом надо понимать толпу.

Если бы индивиды в толпе ограничивались только соединением заурядных качеств, которыми обладает каждый из них в отдельности, то мы имели бы среднюю величину, а никак не образование новых черт. Каким же образом возникают эти новые черты? Вот этим то вопросом мы и займемся теперь.

* * *

Появление этих новых специальных черт, характерных для толпы и притом не встречающихся у отдельных индивидов, входящих в ее состав, обуславливается различными причинами. Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе.

Вторая причина – заразительность или зараза также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет собой такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Третья причина, и притом самая главная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, – это восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которой гипнотизер управляет по своему произволу. Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности. Люди, обладающие достаточно сильной индивидуальностью, чтобы противиться внушению, в толпе слишком малочисленны, и потому не в состоянии бороться с течением. Самое большее, что они могут сделать, – это отвлечь толпу посредством какого-нибудь нового внушения. Так, например, удачное слово, какой-нибудь образ, вызванный кстат в воображении толпы, отвлекали ее иной раз от самых кровавых поступков.

* * *

Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе – это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром. Благодаря именно этому свойству толпы, нам приходится иной раз наблюдать, что присяжные выносят приговор, который каждый из них в отдельности никогда бы не произнес; мы видим, что парламентские собрания соглашаются на такие мероприятия и законы, которые осудил бы каждый из членов этого собрания в отдельности. Члены Конвента, взятые отдельно, были просвещенными буржуа, имевшими мирные привычки. Но, соединившись в толпу, они уже без всякого колебания при-

нимали самые свирепые предложения и отсылали на гильотину людей, совершенно невинных; в довершение они отказались от своей неприкосновенности, вопреки своим собственным интересам, и сами себя наказывали.

Но не одними только поступками индивид в толпе отличается от самого же себя в изолированном положении.

Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика – в верующего, честного человека – в преступника, труса – в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности.

Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что толпа в интеллектуальном отношении всегда стоит ниже изолированного индивида, но с точки зрения чувств и поступков, вызываемых этими чувствами, она может быть лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от того, какому внушению повинуетась толпа. Именно это обстоятельство упускали совершенно из виду все писатели, изучавшие толпу лишь с точки зрения ее преступности.

* * *

Изучая основные свойства толпы, мы указали, что она почти исключительно управляется бессознательным. Ее действия гораздо более подчиняются влиянию спинного, нежели головного мозга, и в этом отношении они приближаются к совершенно первобытным существам. Совершенные толпою поступки могут быть превосходны сами по себе, но так как ум не руководит ими, то индивид в толпе действует сообразно случайностям. Толпа служит игралищем всех внешних возбуждений и отражает все их перемены; она, следовательно, рабски покоряется импульсам, которые получает. Отдельный индивид может подвергаться тем же возбуждениям, какие действуют на него в толпе, но, изолированный от толпы, он уже подчиняется рассудку и противостоит влиянию этих возбуждений. Физиологически это можно выразить следующим образом: изолированный индивид обладает способностью подавлять свои рефлексy, тогда как толпа этой способности не имеет.

Различные импульсы, которым повинуетась толпа, могут быть, смотря по характеру возбуждения, великодушными или свирепыми, героическими или трусливыми, но они всегда настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, не в состоянии их подавить.

Так как возбудители, действующие на толпу, весьма разнообразны и толпа всегда им повинуетась, то отсюда вытекает ее чрезвычайная изменчивость. Вот почему мы видим, что толпа может внезапно перейти от самой кровожадной жестокости к великодушию и выказать даже при случае самый абсолютный героизм. Толпа легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество. Из ее недр лились те потоки крови, которые нужны были для того, чтобы восторжествовала какая-нибудь вера. Незачем обращаться к героическому веку для того, чтобы увидеть, на что способна толпа именно с этой точки зрения. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения, и еще очень недавно один генерал (Буланже?), внезапно сделавшийся популярным, легко мог бы найти сотни тысяч человек, готовых умереть за его дело, если бы он только того потребовал.

В толпе нет предумышленности; она может последовательно пройти всю школу противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты. Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю. Говоря далее о некоторых видах революционной толпы, мы укажем несколько примеров изменчивости ее чувств.

Из-за этой изменчивости толпой очень трудно руководить, особенно если часть общественной власти находится в ее руках. Если бы нужды обыденной жизни не представляли собой род невидимого регулятора вещей, то народодержавие не могло бы долго просуществовать. Но хотя все желания толпы всегда бывают очень страстными, они все же продолжают не долго, и толпа так же мало способна проявить настойчивую волю, как и рассудительность.

Толпа не только импульсивна и изменчива; как и дикарь, она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания. Толпа тем менее способна допустить это, что численность создает в ней чувство непреодолимого могущества. Для индивида в толпе понятия о невозможности не существует. Изолированный индивид сознает, что он не может один поджечь дворец, разграбить магазин, а если даже он почувствует влечение сделать это, то легко устоит против него. В толпе же у него является сознание могущества, доставляемого ему численностью, и достаточно лишь внушить ему идеи убийства и грабежа, чтобы он тотчас же поддался искушению. Всякое неожиданное препятствие будет уничтожено толпой со свойственной ей стремительностью, и если бы человеческий организм допускал неослабевающее состояние ярости, то можно было бы сказать, что нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, – это ярость.

В раздражительности толпы, в ее импульсивности и изменчивости, так же как и во всех народных чувствах, которые мы будем рассматривать далее, всегда проявляются основные черты расы, образующие неизменную почву, на которой развиваются все наши чувства. Всякая толпа всегда раздражительна и импульсивна – это вне сомнения. Но степень этой раздражительности и импульсивности бывает различна. Так, например, разница в этом отношении между латинской и англосаксонской толпой поразительна, и даже в новейшей истории есть факты, указывающие на это. Достаточно было, например, опубликования двадцать пять лет тому назад простой телеграммы, сообщающей о предполагаемом оскорблении посланника, для того, чтобы произошел взрыв ярости, немедленным результатом которого явилась ужасная война. Несколько лет спустя телеграфное извещение о незначительной неудаче в Лангсоне опять вызвало новый взрыв, который повлек за собой низвержение правительства. В то же время гораздо более значительная неудача английской экспедиции в Хартуме вызвала в Англии лишь весьма слабое волнение, и никакое министерство от этого не пострадало.

Толпа всегда обнаруживает черты женского характера, и всего резче эти черты выражаются в латинской толпе. Кто опирается на нее, тот может взобраться очень высоко и очень быстро, но постоянно будет прикасаться к Тарпейской скале и всегда должен ожидать, что в один прекрасный день он будет свергнут с этой скалы.

* * *

Мы уже говорили, описывая толпу, что одним из ее общих свойств является необыкновенная податливость внушению. Мы указывали, что во всякой человеческой агломерации внушение становится заразительным, и этим объясняется быстрое ориентирование чувств в известном направлении.

Как бы ни была нейтральна толпа, она все-таки находится чаще всего в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение. Первое формулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение. Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Толпа так же легко совершит поджог дворца, как и какой-нибудь высший акт самоотвержения; все будет зависеть от природы возбудителя, а не от тех отношений, которые у изолированного индивида существуют между внутренним актом и суммой рассудочности, противодействующей его выполнению.

Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невероятное для нее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычная легкость, с которой создаются и распространяются легенды и самые неправдоподобные рассказы.

Люди, находившиеся в Париже во время осады, видели множество примеров такого легковерия толпы. Зажженная свеча в верхнем этаже принималась тотчас же за сигнал неприятелю, хотя довольно было бы минуты размышления, чтобы убедиться в нелепости этого предположения, так как, конечно, неприятель не мог различить пламя свечи на расстоянии нескольких миль.

Образование легенд, легко распространяющихся в толпе, обуславливается не одним только ее легковерием, а также и теми искажениями, которые претерпевают события в воображении людей, собравшихся толпой. В глазах толпы самое простое событие быстро принимает совсем другие размеры. Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым. Мы легко поймем это состояние, если вспомним, какое странное сцепление мыслей порождает у нас иногда воспоминание о каком-нибудь факте. Рассудок указывает нам на те несообразности, которые заключаются в этих образах, но толпа их не видит и примешивает к действительному событию то, что создано ее искажающим воображением. Толпа совсем не отделяет субъективное от объективного; она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом.

Казалось бы, что искажения, которые претерпевает какое-нибудь событие в глазах толпы, должны иметь весьма разнообразный характер, потому что индивиды, составляющие толпу, обладают весьма различными темпераментами. Но ничуть не бывало. Под влиянием заразы эти искажения имеют всегда одинаковый характер для всех индивидов. Первое искажение, созданное воображением одного из индивидов собрания, служит ядром заразного внушения. Прежде чем изображение св. Георгия было замечено всеми на стенах Иерусалима и на всех окнах, его увидел сначала только один из присутствующих, и путем внушения и заразы чудо, указанное им, было тотчас же принято на веру всеми остальными.

Таков всегда механизм всех коллективных галлюцинаций, о которых часто говорится в истории и достоверность которых подтверждается тысячами человек. Было бы лишнее, ввиду опровержения вышесказанного, указывать на умственные качества индивидов, входящих в состав толпы.

Эти качества не имеют значения; невежда и ученый, раз уж они участвуют в толпе, одинаково лишаются способности к наблюдению. Положение это может, пожалуй, показаться парадоксальным, но чтобы доказать его, нам пришлось бы цитировать такое множество исторических фактов, что на это понадобились бы целые тома. Не желая, однако, оставлять читателя под впечатлением бездоказательных утверждений, я приведу несколько примеров, взятых случайно среди той массы фактов, которую мне пришлось бы цитировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.